

УДК

Мощук А.В.

ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ – ОПЫТЫ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО НАЧАЛА В ОБРАЗОВАНИИ

Особенностью еврейских школьных организаций в межвоенной Польше стало их подчинение целям и задачам различных политических партий и организаций. Вопрос организации еврейского школьного образования на территории Западной Беларуси являлся одним из наиболее актуальных вопросов в программных установках практически всех еврейских политических партий. Создание и работа образовательных и школьных организаций рассматривалась партийными лидерами в контексте борьбы за подрастающее поколение и его подготовку к решению тех задач, которые стояли перед политическими организациями.

Интенсивное развитие системы школьных организаций под контролем еврейских политических партий на территории Западной Беларуси начинается с середины 1924 г. 31 июля 1924 г. польским правительством В. Грабского был принят закон, определяющий принципы организации школьного дела для национальных меньшинств. Закон гласил, что на всей территории Польши могут создаваться частные школы всех типов с родным языком преподавания для детей непольской национальности [2, с. 375].

Польские власти, в целом, настороженно относились к развитию еврейского школьного образования. Опасения с их стороны вызывала возможность культивирования и распространения среди еврейской молодежи леворадикальных и националистических идей. Данные опасения возникали вследствие того, что все еврейские школьные организации, действовавшие на территории Западной Беларуси, находились под патронатом политических партий и являлись проводниками партийных идей среди детей и молодежи. Следует отметить, что большинство еврейских политических организаций в вопросах культурного строительства брали курс на создание еврейской национально-культурной автономии в рамках польского государства. Такой программы придерживались Бунд, общи сионисты, Поалей Сион правая и Поалей Сион левая и ряд других организаций [7, р. 234]. Основные разногласия в деле строительства еврейской национально-культурной автономии между данными организациями возникали лишь по языковому вопросу. Большинство сионистских организаций видели его решение лишь в повсеместном распространении иврита, как языка еврейского населения. В противовес им, Бунд видел возможность развития еврейского школьного дела и культуры в Польше только на основе идиш. В свою очередь, в данной ситуации, польские власти настаивали на преподавании основных предметов в национальных школах на польском языке. Так, в рамках еврейской сионистской школьной организации «Тарбут» преподавание таких предметов, как литература, история и география Польши было переведено с иврита на польский язык [3, р. 34].

Подобные шаги руководства еврейских школьных организаций не способствовали коренному изменению политики польского государства в отношении еврейских школ. Министерство просвещения Польши отказало целому ряду еврейских школ в праве выдачи дипломов государственного образца, в результате чего выпускники данных школ потеряли возможность продолжить своё обучение в высших учебных заведениях страны. Данный отказ объяснялся польскими властями тем, что они не могут контролировать качество преподавания в еврейских школах вследствие языкового барьера [3, р. 90].

В 1932 г. в Польше началась государственная реформа школьного образования. Министерство просвещения объявило, что в стране официально допущено существование двух типов школ: государственных и частных. Школы, поддерживаемые государственными органами и местными городскими советами, были определены как государственные школы, все другие – как частные. Согласно госу-

дарственному закону о частных школах, допускалось открытие частной школы только после того, как в Министерство просвещения поступят точные данные относительно материально-технической базы будущего учебного заведения и морально-патриотической устойчивости педагогического состава данной школы. Открытие школы разрешалось только после получения разрешения на это со стороны Министерства просвещения. Фактически данный закон давал польским властям возможность не допускать открытия многих еврейских школ, которые испытывали хронический недостаток в учебной литературе и финансировании.

Согласно данному закону, польские власти также получали право прекращать деятельность уже существующих национальных школ. В качестве предпосылок для закрытия национальных школ выдвигались следующие:

- прекращение учебного процесса в школе более чем на три месяца без серьёзных причин;
- несоответствие профессионального уровня педагогических кадров тем требованиям, которые предъявляет к ним государство;
- расхождения между политическими программами руководства школьной организацией и государственной политикой, проводимой польскими властями;
- а также в случае проникновения в среду учащихся политических идеологий радикального толка.

Фактически данный закон являлся не более чем способом государственного контроля над учебными заведениями национальных меньшинств. Этот закон позволял устанавливать идеологический контроль над школами, что ставило под угрозу сам факт существования еврейских учебных заведений, так как идеология являлась фундаментом еврейских образовательных организаций на территории Западной Беларуси.

Рассматривая в качестве критерия классификации еврейских школьных организаций вопрос об отношении к религии, мы можем выделить две большие группы образовательных учреждений:

- религиозные иешувы и хедеры, где в качестве основы образовательной концепции лежали религиозные принципы;
- светские школьные организации Бунда и сионистов – Центральная идишистская школьная организация (ЦИШО) и школы «Тарбут» соответственно.

Религиозные иешувы являлись своеобразным ответом на образовательные потребности ортодоксальных евреев в польском государстве. Наибольшую активность в создании подобных учебных заведений проявляла ортодоксальная еврейская партия Агудат Израэль. При этом она пользовалась определённой поддержкой польских властей, которые рассматривали её в качестве противовеса радикальным политическим объединениям польских евреев, в том числе и в образовательном пространстве.

Политика Агудат Израэль в сфере образования сводилась к нескольким тезисам:

1. Еврейское образование должно иметь место в любое историческое время и должно опираться на традиционные религиозные основы. Каждое поколение, воспитанное на духовных ценностях и религиозной традиции еврейского народа, осуществляет передачу и увековечивание этого наследия. Современные образовательные учреждения, так же, как и подобные заведения в прошлом, должны стремиться знакомить молодое поколение с набором абсолютных еврейских ценностей, перспектив и отношений, которые совместимы с этикой Торы.

Мощук Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Гуманитарные науки

2. Основополагающими ценностями, которые включены в морально-этическую философию религиозной еврейской мысли, является отношение к индивидуальному человеку при одновременном признании ограничений его человеческих полномочий; в конечном итоге, принятие мнения Бога – как показано в Торе – в виде абсолютной и непогрешимой Истины. В связи с этим, образовательная система должна служить средством для увековечивания подобных ценностей и верований.

3. Так же следует подчеркнуть утверждение, что изучение Торы, в широком значении этого термина, расценивалось руководителями партии не просто как «религиозное образование», но подразумевало под собой передачу определенного кодекса поведения, охватывающего все стороны жизнедеятельности человека. По их мнению, «ученик, обучающийся согласно предписаниям Торы, получает целый спектр норм и правил общественного поведения. Тора – это источник, из которого подрастающий ребенок должен получить ответы на интересующие его вопросы на всех стадиях своей жизни. Мнение ребенка не должно быть перелупано широким разнообразием точек зрения. Ответ должен быть почерпнут из богатого источника предписаний Пророков, из традиционной мудрости... И должен быть трактован в религиозной терминологии, которая составит основные точки зрения, не поколебленного еврейского вероисповедания... Это поможет усилить и укрепить структуру всего религиозного образования» [3, p. 72].

Таким образом, иешувы являлись образовательными учреждениями, в которых основной акцент делался на изучение Библии и Талмуда, на основе которых религиозными кругами еврейской диаспоры Польши при поддержке польских властей делалась попытка культивирования морально-нравственных норм, популярных среди еврейского населения региона в XIX в.

Позиции «Агуды» в вопросах традиционного еврейского образования были очень сильны. Ортодоксальные иешувы и хедеры, размещенные на территории Западной Беларуси, были известны далеко за её пределами. Так, например, в состав студентов, проходивших обучение в иешуве г. Мира, входили выходцы из Литвы, Латвии, Дании, Бельгии, Венгрии, Швейцарии, Италии, Англии, США и Палестины. На территории Западной Беларуси иешувы были размещены в Мире, Барановичах, Белостоке, Вильно, Бресте, Пинске, Слониме, Клецке, Гродно и Каменце [3, p. 76].

Своеобразным переходом от исключительно религиозной направленности в образовании к светским школам, в еврейской среде стали школы «Тарбут», которые действовали под эгидой сионистского движения. Политическая и национальная направленность польского сионизма наложила отпечаток и на деятельность школьной организации. Школы «Тарбут» были созданы лидерами польского сионистского движения с целью возрождения национальной и культурной жизни евреев не столько в Польше, сколько в Палестине. В основе идеологии «Тарбута» лежали основные принципы сионистского движения:

1. Решение еврейского вопроса путём построения еврейского светского национального государства в Палестине.
2. Возрождения иврита как национального языка еврейского народа.
3. Распространение современной еврейской культуры, как средства для восстановления национального самосознания евреев.

Фактически, лидеры сионистского движения рассматривали школы «Тарбут» как существенный фактор в скорейшем наступлении Ренессанса культурной жизни евреев в Палестине, а также как средство подготовки евреев к жизни в условиях Ближнего Востока. Однако учитывая тот факт, что исторические связи с еврейской религиозной традицией полностью не были порваны, школами «Тарбут» эти традиции использовались последними, в основном, как средство к пониманию творческого и культурного потенциала еврейского народа в прошлом, с которым студент должен быть ознакомлен. Таким образом, учебные задачи школ «Тарбут», в целом, носили светский характер. Изучение религиозной мысли было включено в пределы структуры общего учебного плана только как элемент, имеющий образовательную ценность.

Светский подход к воспитанию и обучению подрастающего поколения в еврейской диаспоре межвоенной Польши был продемонстрирован в школах Центральной идишистской школьной организации. Рождение идишистского движения можно отнести к рубежу XIX–XX столетий, когда на территории Российской империи вопреки действовавшему законодательству начали появляться школы с преподаванием на языке идиш. Так, одними из первых школ для рабочих с преподаванием на идиш стали школы в Варшаве (открыта в 1899 г.), и в Вильно (открыта в 1906 г.). В первое десятилетие XX в. подобное учебное заведение начало свою работу и в Белостоке.

С началом Первой мировой войны к чисто образовательным вопросам, стоящим перед партией, добавилась проблема создания детских домов для детей-сирот, потерявших своих родителей. Решением данных вопросов стала заниматься нелегальная организация «Унзере Киндер» («Наши Дети»). 23 декабря 1915 года в Варшаве данной организацией был открыт первый детский дом с преподаванием на языке идиш. Подобные детские дома открылись и в ряде других городов будущих северо-восточных воеводств Польши. Таким образом, к концу Первой мировой войны на территории бывших западных губерний Российской империи была создана база для развития еврейского школьного образования на языке идиш. Так, к 1919 г. в Вильно школы с языком преподавания на идиш посещало около 3500 детей. В Белостоке, который являлся вторым по величине еврейским образовательным центром, насчитывалось 9 начальных и 3 вечерних школы, а также 3 детских дома, в которых обучалось и воспитывалось в общей сложности около 2000 детей. А к 1922 г. на территории северо-восточных воеводств Польши насчитывалось 56 детских домов и школ различного уровня [6, p. 347].

В июне 1921 г. в Варшаве под руководством Бунда состоялась конференция представителей идишистских образовательных учреждений, входивших в состав «Унзере Киндер». Итогом работы конференции стало принятие резолюции, в которой провозглашалось основание общепольской школьной организации с языком обучения идиш – ЦИШО. В состав правления организации вошли видные деятели Бунда: Б. Михалевич, И. Лещиньски, Б. Гольдман, Я. Лихтенштайн, С. Фанаберия. Целями данной организации провозглашались: борьба за свободу еврейского пролетариата посредством школьного образования, централизация идишистского школьного движения на территории всей Польши, объединение финансовых ресурсов еврейских социалистических партий и организаций с целью улучшения материальной базы школ [1, л. 28]. Главные задачи Бунда в создании организации были сформулированы на конференции одним из лидеров Бунда В. Медемом: «Правительство и органы самоуправления не заботятся о нашей школе. Поэтому мы должны создать материальную базу для неё. Мы должны создать новый вид еврейской светской школы – школы социалистического типа» [5, s. 48].

Как и в случаях с религиозными и сионистскими школьными организациями, доминирующее значение при формировании образовательной концепции ЦИШО имела её причастность к бундовской партийной системе, идеология которой нашла отражение и в целях школьной организации. Т.е. лидеры Бунда рассматривали ЦИШО как инструмент для пробуждения еврейского пролетариата и классового сознания масс. По мнению другого лидера партии Г. Эрлиха: «Школы ЦИШО в своей деятельности должны обучать подрастающее поколение в социалистическом духе, что, в конечном итоге, будет способствовать построению нового социального порядка, который покончит с эксплуатацией пролетариата буржуазным классом, имеющим средства производства, и ликвидирует иерархическое классовое общество прошлого» [5, s. 49].

Данная трактовка целей идишистского школьного движения несколько расходилась с теми задачами, которые ставили перед собой сами руководители ЦИШО. Основной задачей деятельности своей организации они видели «воспитание ребёнка всесторонне развитого в физическом и интеллектуальном плане. Школа должна культивировать вкус к эстетическому, близко знакомить с явлениями окружающей природы, учить ребёнка понимать общественные и социальные проблемы» [4, s. 48].

«Новая школа» по своему содержанию имела светский характер. Это стало следствием того, что лидеры школьной организации ЦИШО отказались в системе собственного образования от еврейской религиозной традиции, которая была объявлена сборищем мистики и фанатизма. Утверждалось, что, цепляясь за такую традицию, не возможно подготовить молодёжь к активной жизни в обществе со способностью принимать на себя социальные обязанности.

Таким образом, в Польше на протяжении всего межвоенного периода существовало несколько типов еврейских школьных организаций, каждая из которых ориентировалась на свою «целевую аудиторию»: от консервативно настроенных религиозных ортодоксов до активно борющегося за свои социальные и национальные права пролетариата. Сильная политизация общественной жизни еврейской диаспоры, нерешённость национального вопроса, доходившего до прямых проявлений государственного антисемитизма, обуславливали прямое подчинение ряда школьных организаций политическим целям и задачам. В итоге, на наш взгляд, ни религиозные иешувы и хедеры, ни «ульtrasветские» школы ЦИШО так и не смогли «выиграть» в данном своеобразном противостоянии. Причиной чему, к сожалению, послужили внешние события, связанные с военно-политическими и национальными трансформациями в годы Второй мировой войны, выдержанная временем жизнеспособность той или иной образовательной концепции.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Брестской области. Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2145. Сведения МВД и воеводских управлений о состоянии и деятельности еврейских политических партий и группировок.
2. Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej / Warszawa, 1922–1924. – 647 s.
3. Eisenstein, M. Jewish Schools in Poland 1919–1939 / M. Eisenstein. – Columbia university. New York: Their Philosophy and Development King's Crow Press, 1950. – 112 p.
4. Jakobs, J. Próba wytworzenia bundowskiej kontrkultury; Morgensztern a waga hegemonii kulturalnej / J. Jakobs. // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 39–49.
5. Korsch, R. Żydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce / R. Korsch – Warszawa: Drukarnia P.K.O., 1925. – 215 s.
6. Pickhan, G. «Gegen der Strom». Der allgemeine Judische Arbeiter bund «Bund» in Polen 1918–1939 / G. Pickhan. – Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 2001. – 441 p.
7. Pickhan, G. Kossowski, Portnoj i inni. Rola pokolenia założycieli Bundu w Polsce międzywojennej / G. Pickhan // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 231–243.

Материал поступил в редакцию 01.10.12

MOSHCHUK A.V. The jewish school in the western Belarus – experiences of the religious and secular beginning in education

Problem of a ratio of religious and secular components in process not only moral, but also civil education of the personality, in the course of young generation socialization always drew close attention both "narrow" experts, and a wide circle.

In this article problems of creation and development of the Jewish school organizations in the territory of the Western Belarus during the intermilitary period are considered. Being based on rather wide range of sources, the conclusion about rigid correlation of various Jewish educational systems of an average link with party installations of political associations under the aegis of which the Jewish schools acted is drawn. The author subjects to the objective analysis program documents of such school organizations as to TsiShO, Tarbut, иешувы, heder. The policy of the Polish authorities in relation to the Jewish school problem in intermilitary Poland is separately considered, its evolution depending on inside - and foreign policy circumstances is characterized.

УДК 94(476.7)

Никитчик А.Д., Никитчик Т.А.

БЕРЕСТЕЙСКИЙ КРОССВОРД Э.Й. ДАЛЬБЕРГА – ГРАВЮРА «URBS ET CASTELLUM»

Уникальность этого изображения состоит в исключительности информации, заключенной в нем, т.к. представляет городскую панораму и план времени шведской инвазии. Примерно так выглядит официальная доктрина для исследователя, впервые соприкоснувшегося с этим материалом. Однако по мере накопления сведений о городе, многое из представленного на гравюре вызывает сомнение. Постараемся разобраться во всех выявленных несоответствиях.

Главным историко-графическим источником в летописи города второй половины XVII в. является гравюра «Urbs et Castellum» – «Город и замок». Название принято по первым словам текста в центральной верхней картуше. Конкретной даты изготовления гравюры в литературе не встречается, а стереотипное мнение относит ее создание к 1657 г. Создание ее связано с именем шведского художника, архитектора, топографа, инженера-фортификатора, ученого, мецената, патриота, национальной гордости Швеции – Эрика Йонссона Дальберга (*1625 – †1703).

Из десяти персонажей, упомянутых на гравюре, он заслуживает особого внимания за тот подарок, который сделал городу, создав гравюру и за материал, который там сосредоточен. При всей неоднозначности политической подоплеки Э. Дальберг – первый берестейский график (рис. 1). Им и о нем создана масса работ, но нас интересует в первую очередь то, что касается его пребывания в городе, в замке, на предместьях, что оказалось увиденным и что впоследствии было пе-

ренесено на граверные медные пластины. Мнение очевидца Дальберга для истории города чрезвычайно важно.

Рис. 1. Эрик Йонссон Дальберг. Портрет в период генерал-губернаторства в Лифляндии и работы с бароном Самуэлем Пуфендорфом над «Историей Карла X Густава» в 1688-1696 гг. [2]

Никитчик Анатолий Данилович, инженер редакционно-издательского отдела Брестского государственного технического университета.
Никитчик Татьяна Анатольевна, студентка строительного факультета Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.